

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*РОССИЯ И ГРЕЦИЯ:
ДИАЛОГИ КУЛЬТУР*

*Материалы IV Международной конференции
Часть III*

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2019

УДК 83.3(2Рос=Рхс)+94(470+571)+94(4)
ББК 83.3(2=Рус)+63.3(2)+63.3(4)
Р768

Редколлегия:

Т. Г. Мальчукова, доктор филологических наук, профессор;
Е. П. Литинская, кандидат филологических наук;
Е. К. Агапитова, старший преподаватель
кафедры классической филологии ПетрГУ

Р768 **Россия и Греция: диалоги культур** [Электронный ресурс] : материалы IV Международной конференции [в 3 ч.]. Ч. III / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019. — 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 см. — Систем. требования : РС, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; Windows, MAC OSX ; 256 Мб ; видеосистема : разрешение экрана 800×600 и выше ; графический ускоритель (опционально) ; мышь или другое аналогичное устройство. — Загл. с этикетки диска.

ISBN 978-5-8021-2980-7

Ч. III — 159 с.

ISBN 978-5-8021-3457-3

В сборник вошли статьи, посвященные актуальным для современной гуманитарной науки вопросам тысячелетнего взаимодействия культур России и Греции. В публикуемых материалах рассматриваются различные аспекты классической филологии, византистики, неоэллинистики, а также рецепции греческой темы в русской литературе и культуре.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

УДК 83.3(2Рос=Рхс)+94(470+571)+94(4)
ББК 83.3(2=Рус)+63.3(2)+63.3(4)

ISBN 978-5-8021-3457-3 (ч. 3)

ISBN 978-5-8021-2980-7

© Петрозаводский государственный университет, 2019

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КРАСНОРЕЧИЯ: РЕЧЬ ЦИЦЕРОНА PRO LIGARIO

Аннотация: в статье рассматриваются цитаты Цезаря, которые Цицерон широко использует в своей речи «В защиту Лигария», произнесенной перед Цезарем осенью 46 г. до н. э.; определяются функции и назначение цитат в стилистике и семантике речи.

Ключевые слова: Цицерон, Цезарь, риторика, речь «В защиту Лигария», стилистика, цитаты, аллюзии.

Настоящая статья посвящена вопросу о том, как теоретические размышления Цицерона об искусстве красноречия и об идеальном ораторе находили выражение в его собственной судебной практике.

События, о которых ниже будет идти речь, происходили осенью 46 г. до н. э. К этому времени гражданская война между Помпеем и Цезарем была практически завершена. Помпей погиб, Цезарь разбил силы помпеянцев в Африке и летом 46 г. вернулся в Рим победителем и единовластным правителем: он был в третий раз консулом и диктатором на 10-летний срок.

Цицерон как сторонник проигравшей стороны оказался в трудном положении при новой власти. С 52 г. он не выступал публично в судебных делах и, хотя после Фарсальской битвы и получил прощение Цезаря и позволение вернуться в Рим, но смена режима не могла не угнетать его. М. Л. Гаспаров так описал трагедию личности Цицерона: «У него была слава, но не было силы, его слушали, но за ним не шли. Он был лучшим писателем своего поколения, но он не смог стать его политическим вождем» [3].

Отход от политики и вынужденный досуг подвигли Цицерона на создание, в частности, теоретических сочинений по риторике. К осени 46 г. Цицерон закончил трактат «Брут». Осенью 46 г. до н. э. Цицерон пишет трактат «Оратор», в котором рисует образ идеального оратора. Одним из принципов, которыми должен руководствоваться оратор, чтобы достичь успеха, Цицерон называет следующий:

semper oratorum eloquentiae moderatrix fuit auditorum prudentia. omnes enim qui probari uolunt uoluntatem eorum qui audiunt intuentur ad eamque et ad eorum arbitrium et nutum totos se fingunt et accommodant (Cic. or. 24).

Красноречие ораторов всегда руководилось вкусом слушателей. Всякий, кто хочет иметь успех, следит за их желаниями и в согласии с ними слагает свою речь целиком применительно к их суждениям и взглядам (пер. М. Л. Гаспарова).

Сам Цицерон всегда учитывал этот принцип, что видно из его многочисленных речей. Одним из замечательнейших примеров того, насколько умело Цицерон мог манипулировать настроением слушателя, используя приятные (или неприятные) для него темы и их словесное оформление, служит речь «В защиту Лигария» (*Pro Ligario*). Отметим, что эту речь Цицерон произнес осенью 46 г., то есть в то же самое время, когда писал теоретический трактат «Оратор».

Речь в защиту Лигария была произнесена на процессе по реабилитации помпеянца Квинта Лигария, который в 47—46 гг. воевал против Цезаря в составе сил сопротивления в Африке¹. Обвинителем Лигария выступил другой бывший помпеянец — известный юрист Квинт Туберон, воевавший с Цезарем при Фарсале. Туберон, по-видимому, требовал, чтобы Лигарию было запрещено вернуться в Рим из изгнания. Защиту Лигария взял на себя Цицерон, тоже бывший сторонник Помпея. Судьей на процессе был сам Цезарь, который одновременно являлся и потерпевшей стороной.

Такой расклад сил придавал процессу Лигария весьма необычный характер, тем более что сам обвиняемый не присутствовал лично, находясь в изгнании. Это был политический, а не судебный процесс. Ходили слухи, что Цезарь заранее решил не прощать Лигария, так как был раздражен на всех участников Африканской войны, с которой только что вернулся.

Таким образом, перед Цицероном стояла весьма трудная задача. В своем первом после шестилетнего перерыва выступлении ему надо было убедить предвзято настроенного судью, причем не простого судью, а диктатора, победителя и нового хозяина Рима. Лигарий не стоил оправдания — он остался злостным врагом Цезаря и через полтора года, в марте 44 г., вошел в число его убийц. Тем не менее произнесенная в его защиту речь стала одним из шедевров ораторского искусства Цицерона. Цицерону удалось убедить Цезаря простить Лигария и тем самым показать, каким на самом деле должен быть совершенный оратор.

Одним из способов убеждения и психологического воздействия на Цезаря стал язык и стиль этой речи. Язык речи за Лигария на всех уровнях (лексическом, синтаксическом, стилистическом) воспроизводит пристрастия и стилистические взгляды Цезаря, известные нам по его собственным сочинениям и теоретическим работам. В этом Цицерон следовал собственному положению, что речь надо слагать целиком применительно к суждениям и вкусам слушателей. В изящной формулировке Цицерон признает, что он старался, чтобы его речь понравилась Цезарю:

...longiorem orationem causa forsitan postulet, tua certe natura breuiorem (Cic. Lig. 38)².

Это дело требовало бы, возможно, и более длинной речи, но твой вкус, несомненно, более краткой³.

Особенности лексики и синтаксиса речи *Pro Ligario* рассмотрены в ряде работ [1; 2; 4]. Ниже остановимся на одном аспекте стилистики этой речи, который, как нам кажется, недостаточно изучен. Пожалуй, самой интересной составляющей стиля речи в защиту Лигария являются цитаты и аллюзии на слова Цезаря, которыми эта речь изобилует. Цитаты Цезаря искусно вплетены в текст речи *Pro Ligario*, которая с точки зрения внутренней организации и общего смысла построена следующим образом: позиция защиты крайне слаба — Лигарий, подзащитный Цицерона, безусловно, виновен, потому что активно воевал на стороне помпеянцев уже после Фарсальской битвы.

Чтобы уйти от слабых пунктов, Цицерон сводит свою речь к общим вопросам: о причинах ужасной гражданской войны; о взаимной ответственности вождей (Помпея и Цезаря) за смерть сограждан; о том, что в гражданской войне не бывает победителей, которые могли бы считаться более правыми, чем проигравшие; наконец, о том, можно ли считать справедливым, что обвинитель Лигария Туберон сам сражался с Цезарем при Фарсале, а теперь требует наказания для такого же помпеянца, как он сам. Ответы на все эти вопросы требовали бы критической оценки.

И Цицерон в своей речи дает эту оценку, причем такую оценку, которая, во-первых, отражает собственные взгляды Цицерона и, во-вторых, выгодна защите. Но при этом, как выяснилось, все оценочные суждения о событиях гражданской войны и о ключевых участниках процесса Лигария Цицерон передает, используя выражения и дословные высказывания Цезаря.

Рассмотрим подробнее, как Цицерон использует цитаты Цезаря в речи за Лигария. Обвинение Лигария основано на том, что он участвовал в гражданской войне на стороне, противной победителю. Поэтому Цицерон касается вопроса о сути войны и о ее причинах. Почему случилась война? Потому что, говорит Цицерон, произошла *fatalis quaedam calamitas* (Cic. Lig. 17), «некая страшная катастрофа», которая внезапно настигла римлян и захватила их сознание. Эти слова (*fatalis quaedam calamitas*) представляют собой буквальную цитату из выступления Цезаря в сенате, известного нам благодаря сообщению Диона Кассия: ἀνάγκη τίς δαίμονία (Dio Cass. XLIII 17). Само слово «катастрофа» подразумевает, что вина за начало войны лежит не на конкретных людях, а является волей неумо-

лимого рока. Таким образом, Цицерон подводит к тому, что виновных в этой войне, по видимому, нет.

Как назвать эту катастрофу? Цезарь в личной переписке использует по отношению к гражданской войне нейтральное выражение *ciuiles controuersiae* — «гражданские споры» (Cic. Att. X 8b, 2). В «*Bellum ciuile*» он не употребляет ни слово *discordia* — «раздор», ни слово *discidium* — «раскол», ни, конечно, слово *bellum* — «война», предпочитая мягкое выражение *ciuilis dissensio* — «разногласие граждан» (Caes. b. c. I 67, 3; III 1, 3).

Именно это выражение (*dissensio ciuilis*) использует Цицерон, когда ему необходимо показать, что обвинитель Туберон не менее виновен перед Цезарем, чем обвиняемый Лигарий. Цицерон напоминает, что Тубероны (отец, Луций Туберон, и сын, Квинт Туберон) были обижены Помпеем, но тем не менее присоединились к его армии при Фарсале и с оружием в руках воевали на его стороне в Фарсальском сражении:

...quotus enim istud quisque fecisset, ut a quibus partibus in *dissensione ciuili* non esset receptus, essetque etiam cum crudelitate reiectus, ad eas ipsas partis rediret? (Cic. Lig. 26)

...очень мало ведь найдется таких людей, кто бы поступил так же, как и ты, который, будучи во время гражданского разногласия не принят и даже жестоко отвергнут одной из сторон, именно к этой самой стороне и примкнул?

В данном случае буквальная цитата, приятная Цезарю, служит способом подчеркнуть враждебность, которую обвинитель упорно проявлял по отношению к Цезарю, и склонить Цезаря не доверять Туберону. Однако, когда Цицерон хочет намекнуть Цезарю на то, что оба инициатора гражданской войны несут одинаковую ответственность за нее, он употребляет два резких и неприятных Цезарю выражения — *secessio* «раскол, сецессия» и *ciuile discidium* «гражданский раскол, раздор»:

...*secessionem* tu illam existimaui Caesar initio, non bellum, nec hostile odium, sed *ciuile discidium*, utrisque cupientibus rem publicam saluam, sed partim consiliis partim studiis a communi utilitate aberrantibus (Cic. Lig. 19).

Ты, Цезарь, с самого начала считал, что это — раскол, а не война, не вражеская ненависть, а гражданский раздор, потому что обе стороны желали блага государству, но отступали от общего блага, отчасти из-за своих планов, а отчасти — из-за своих пристрастий.

И хотя сам Цезарь, как мы можем видеть из его сочинений, не называл войну словами *secessio* и *discidium*, а, наоборот, отрицал наличие сецессии в Риме (*nulla lex promulgata, non cum populo agi coeptum, nulla secessio facta* (Caes. b. c. I 7, 7)), Цицерон строит фразу так, как будто она воспроизводит слова самого Цезаря. В данном случае получается своего рода «антицитата», которая необходима Цицерону, чтобы, с одной стороны, выразить свое мнение о сущности войны, с другой — упрекнуть Цезаря за его собственную вину перед государством и, наконец, чтобы побудить Цезаря не проявлять жестокости ко всем сторонникам враждебной партии, потому что обе партии одинаково виноваты (или одинаково невиноваты, так как стремились установить порядок в государстве и желали блага для него).

Таким образом, оценка сущности гражданской войны дается в речи Pro Ligario словами Цезаря, когда Цицерону нужно дать отрицательную характеристику обвинителя, и словами, неприятными Цезарю, когда Цицерону нужно осторожно показать, что Цезарь так же виновен в гражданском расколе, как и любой помпеянец.

Вопрос о сути политического раскола в стране и о причинах вызванной им гражданской войны переходит в речи за Лигария в рассуждение о том, можно ли считать членов обеих политических партий, воевавших друг с другом, государственными преступниками. От прямого ответа на вопрос о роли Цезаря в развязывании войны Цицерон уклоняется. Он предлагает Цезарю самому ответить на этот вопрос и приводит этот ответ:

...aut tua quid aliud arma uoluerunt nisi a te contumeliam propulsare? quid egit tuus inuictus exercitus, nisi uti suum ius tueretur et *dignitatem tuam*? (Cic. Lig. 18)

...зачем ты поднял оружие? разве не для того, чтобы отразить от себя оскорбление? что делало твое непобедимое войско? разве не отстаивало свое право и твою честь?

Данная фраза построена на цитате из «Bellum ciuile» Цезаря. Цезарь начал войну потому, что нарушили его право на управление Galliей и право на заочное участие в консульских выборах на 48 г. Это Цезарь счел оскорблением его достоинства, о чем писал так:

...sibi semper *primam* fuisse *dignitatem uitaque potio-rem* (Caes. b. c. I 9, 2).

Он всегда ставил на первом плане свою честь и ценил ее выше жизни (пер. М. М. Покровского);

...hortatur, cuius imperatoris ductu VIII annis rem publicam felicissime gesserint plurimaque proelia secunda fecerint, omnem Galliam Germaniamque pacauerint, ut eius existimationem *dignitatemque* ab inimicis defendant (Caes. b. c. I 7, 7).

...он убеждал, просил солдат защитить от врагов доброе имя и честь полководца, под предводительством которого они в течение девяти лет с величайшим успехом боролись за родину, выиграли очень много сражений и покорили всю Galliю и Германию (пер. М. М. Покровского).

Таким образом, при помощи аллюзии на высказывание Цезаря (которое Цезарь, слушая речь, безусловно, узнал) Цицерон подчеркивает, что Цезарь был вынужден начать войну в силу неотвратимых обстоятельств, которые не оставляли ему выбора. Поэтому его вина перед государством, видимо, не является преступлением.

Можно ли считать преступником Помпея и его приверженцев? На этот вопрос Цицерон отвечает сам:

...sceleris uero crimine furoris parricidii liceat Cn. Pompeio mortuo, liceat multis aliis carere (Cic. Lig. 18).

...пусть будет дозволено покойному Гн. Помпею и многим другим быть свободными от обвинений в преступлении, безумии, убийствах.

Однако к своему твердому высказыванию Цицерон сразу же добавляет ссылку на мнение Цезаря:

...quando hoc ex te quisquam Caesar audiuit... (Cic. Lig. 18).

...когда от тебя кто-нибудь слышал нечто подобное?

Действительно, из сообщений Цицерона, сохранных в его переписке, мы знаем, что Цезарь всегда исключительно уважительно отзывался о Помпее:

...in quo admirari soleo grauitatem et iustitiam et sapientiam Caesaris. *numquam nisi honorificentissime Pompeium appellat.* at in eius persona multa fecit asperius. armorum ista et uictoriae sunt facta, non Caesaris (Cic. fam. VI 6, 10).

...в этом отношении я обычно восхищаюсь серьезностью, справедливостью и мудростью Цезаря. Он всегда говорит о Помпее в самых почтительных выражениях. Тем не менее по отношению к его персоне он во многом поступил слишком жестоко. Но это было следствием военной обстановки и победы, а не характера Цезаря.

Итак, отношение к личности Помпея выражено в речи также при помощи апелляции к мнению и высказываниям Цезаря. Дав оценку событиям начала войны и действиям вождей, Цицерон обращается к послевоенным событиям, а именно — к политической программе Цезаря, лозунг которой: «Кто был не против меня, тот был со мной»:

...te enim dicere audiebamus nos omnis aduersarios putare nisi qui nobiscum essent, te omnis qui contra te non essent tuos (Cic. Lig. 33).

Ведь ты, как мы слышали, говорил, что мы считаем противниками всех, кто не с нами, а ты считаешь сторонниками всех, кто не против тебя.

Приводя этот лозунг, Цицерон тоже опирается на слова Цезаря, известные нам отчасти из «Bellum ciuile», отчасти — благодаря сообщению Светония:

Pompeius enim discedens ab urbe in senatu dixerat eodem se habiturum loco, qui Romae remansissent, et qui in castris Caesaris fuissent (Caes. b. c. I 33, 2).

Ибо Помпей при отъезде из Рима сказал в сенате, что он будет ставить на одну доску тех, кто останется в Риме, с теми, кто окажется в лагере Цезаря (пер. М. М. Покровского);

...denuntiante Pompeio pro hostibus se habiturum qui rei publicae defuissent, ipse medios et neutrius partis suorum sibi numero futuros pronuntiauit (Suet. Iul. 75, 1).

Между тем как Помпей объявил своими врагами всех, кто не встанет на защиту республики, Цезарь провозгласил, что тех, кто воздержится и ни к кому не примкнет, он будет считать друзьями (пер. М. Л. Гаспарова).

Цицерон, по-видимому, придал риторическую обработку словам Цезаря, встраивая его высказывание в полотно своей речи. Тем не менее Цезарь не мог не узнать собственное высказывание, эффектно произнесенное Цицероном в заключении речи, когда Цицерон призывал его вспомнить о братьях Лигария, соблюдавших нейтралитет во время войны.

Руководствуясь указанным лозунгом и решив не применять репрессий в отношении политических противников, Цезарь простил многих из них. В речи за Лигария Цицерон приводит два примера проявления этой политики, причем в описании обоих примеров Цицерон использует цитаты Цезаря.

Первый пример — Цицерон, которого Цезарь простил, сохранив за ним все его почести, в частности титул императора. Этот титул Цицерон получил, будучи наместником Киликии в 51—50 гг.:

...apud quem igitur hoc dico? nempe apud eum qui cum hoc sciret, tamen me antequam uidit rei publicae reddidit, qui ad me ex Aegypto litteras misit, ut essem idem qui fuisset, qui me *cum ipse imperator in toto imperio populi Romani unus esset, esse alterum passus est*... (Cic. Lig. 7).

Так перед кем я это говорю? Конечно, перед тем, кто, хотя и знал все это, тем не менее вернул меня государству, кто отправил мне из Египта письмо с разрешением быть тем же, кем я был раньше, кто, будучи сам во всей державе римского народа одним императором, позволил мне быть вторым...

В этой фразе, содержащей хвалу и благодарность Цезарю, Цицерон буквально цитирует письма Цезаря к себе, в которых Цезарь почтительно называет Цицерона императором. Сохранилось три письма Цезаря к Цицерону, написанных в самом начале войны, в марте—апреле 49 г. В этих письмах Цезарь просит Цицерона о поддержке и настоятельно просит его не уезжать из Италии вместе с другими помпеянцами⁴. В знак уважения к Цицерону Цезарь обращается к нему следующим образом:

CAESAR IMP. S. D. CICERONI IMP. (Cic. Att. IX 6 a; IX 16; X 8 b; март—апрель 49 г.).

В своих ответных письмах Цицерон тоже сопровождает свое имя почетным титулом:

CICERO IMP. S. D. CAESARI IMP. (Cic. Att. IX 11 a; 19 марта 49 г.).

Намек на эту переписку, когда Цицерон был очень нужен Цезарю, но не поддержал его, — не только скрытая лесть Цезарю, показывающая глубину его великодушия, но и призыв проявить последовательность в политике прощения.

Второй пример великодушия Цезаря — прощение Туберона, обвинителя Лигария. Квинт Туберон и его отец Луций Туберон участвовали в Фарсальской битве на стороне Помпея. В своей приверженности партии Помпея Тубероны проявили редкостное упрямство, потому что они присоединились к армии Помпея, несмотря на то что были оскорблены им. Над этим иронизирует Цицерон:

...sed uide quaeso Caesar *constantiam* ornatissimi uiri L. Tuberonis, *quam ego* quamuis ipse probarem ut probo, tamen *non commemorarem nisi a te cognouissem in primis eam uirtutem solere laudari* (Cic. Lig. 26).

...но посмотри, Цезарь, пожалуйста, на постоянство уважаемого человека, Луция Туберона, которое я сам хотя и одобрял бы, как и одобряю на самом деле, но не упомянул бы, если бы не знал, что именно это качество ты ценишь выше всего.

Эта фраза, проникнутая иронией, содержит аллюзию на речь Цезаря к войску из «Bellum Gallicum», когда Цезарь побуждает солдат не бояться германцев:

...ex quo iudicari posse, *quantum haberet in se boni constantia*, propterea quod quos aliquamdiu inermes sine causa timuissent, hos postea armatos ac uictores superassent (Caes. b. G. I 40, 6).

В конце концов они одолели врага, несмотря на его вооружение и победы, хотя перед этим некоторое время без всякого основания боялись его, даже пока он был плохо вооружен. По этому можно судить, сколько выгоды заключает в себе стойкость (пер. М. М. Покровского).

Несмотря на упорство, проявленное Тубероном в борьбе с Цезарем, Цезарь простил его. Слова Цезаря Цицерон вновь использует в контексте рассуждения о том, что степень вины Туберона не меньше, чем степень вины Лигария. Цитата, возможно, приятная Цезарю, служит побуждением к тому, чтобы внутренне согласиться с рассуждением Цицерона.

Политика милосердия придает Цезарю подлинное величие, и в этом отношении Цезарь действительно отличался от многих:

...nunc melior ea iudicanda est quam etiam di adiuerunt. cognita uero clementia tua quis non eam uictoriam probet in qua occiderit nemo nisi armatus? (Cic. Lig. 19).

Ныне же ту сторону следует считать лучшей, которой даже боги помогли. Ибо кто, узнав твое милосердие, не одобрил бы той победы, при которой не погибло ни одного человека, кроме тех, кто пал на поле брани?

В речи за Лигария Цицерон с помощью аллюзий и цитат напоминает Цезарю, что мирная послевоенная политика была как актом его воли, так и проявлением природных качеств. В противоположность Сулле, память о жестокости которого была еще жива среди людей, Цезарь руководствовался принципом не истребления, а прощения политических противников, о чем сам писал так:

...temptemus hoc modo si possimus omnium uoluntates recuperare et diuturna uictoria uti, quoniam reliqui crudelitate odium effugere non potuerunt neque uictoriam diutius tenere praeter unum *L. Sullam, quem imitaturus non sum*. haec noua sit ratio uincendi ut misericordia et liberalitate nos muniamus (Cic. Att. IX 7 с. 1).

Давайте попробуем, не получится ли у нас вернуть этими средствами расположение всех граждан и закрепить победу, имея в виду, что остальные не смогли из-за своей жестокости избежать ненависти и удерживать победу на долгий срок, кроме одного только Луция Суллы, подражать которому я не намерен. Давайте введем новый метод побеждать: пусть нашей защитой станут милосердие и великодушие.

Эти слова происходят из письма Цезаря Гаю Оппию и Луцию Корнелию Бальбу, написанного в марте 49 г. и сохранившегося в переписке Цицерона. Цитату из данного письма Цицерон использует в речи за Лигария, чтобы подчеркнуть, что обвинитель Туберон, требуя наказания Лигария, в своей жестокости превзошел Суллу:

...non tu hunc ergo patria priuare qua caret, sed uita uis. at istud *ne apud eum quidem dictatorem* qui omnis quos oderat, morte multabat, quisquam egit isto modo. ipse iubebat occidi, nullo postulante, praemiis inuitabat (Cic. Lig. 11—12).

Стало быть, не родины ты хочешь его (Лигария) лишить, а жизни. Но даже при том самом диктаторе, который карал смертью всех, кого ненавидел, никто не поступал так, как ты, и таким образом, как ты. Он приказывал убивать сам, без чьих-либо требований, и поощрял наградами.

В этой фразе Цицерон намекает, что Сулла убивал и приказывал убивать по собственному почину, а Туберон требует убийств от Цезаря, который решил никого не убивать. В действительности Туберон, по всей вероятности, требовал только не отменять изгнания Лигария. Но Цицерон в своей речи приравнивает это требование к смертной казни. Аргументация Цицерона такова: Лигарий уже находится в изгнании, т. е. несет наказание, поэтому, если возбуждается процесс против Лигария, значит, требуется большее наказание, а единственным наказанием тяжелее изгнания может быть только смерть.

Цицерон делает вывод, что Туберон своим требованием смерти для Лигария подталкивает Цезаря нарушить собственное решение не применять репрессивных мер. Причем этот вывод, содержащий упоминание Суллы, является скрытой цитатой из указанного письма Цезаря. Цезарь, несомненно, услышал и понял намек — требования Туберона противоположны и противны воле Цезаря.

Политика милосердия является не только проявлением воли Цезаря, но и соответствует природной мягкости его характера, о чем Цицерон напоминает Цезарю в речи за Лигария тоже в форме цитаты. В самом начале войны, 26 марта 49 г., Цезарь так писал Цицерону о самом себе:

Recte auguraris de me (bene enim tibi cognitus sum) *nihil a me abesse longius crudelitate* (Cic. Att. IX 16, 2).

Ты верно почувствовал (ты ведь хорошо меня знаешь!), что нет вещи, которая была бы мне противна больше, чем жестокость.

Эта фраза из личной переписки Цезаря и Цицерона объясняет, почему одним из лейтмотивов речи в защиту Лигария является тема жестокости:

...quorum igitur impunitas Caesar tuae clementiae laus est, eorum ipsorum ad *crudelitatem* te acuet oratio? (Cic. Lig. 10).

Стало быть, тебя толкают к жестокости речи тех самых людей, которых ты не наказал и тем самым стяжал славу милосердного человека?;

...*quae tamen crudelitas ab hoc eodem aliquot annis post, quem tu nunc crudelem esse uis, uindicata est* (Cic. Lig. 12).

Эта жестокость (Суллы) была спустя несколько лет наказана тем самым человеком (Цезарем), от которого ты сейчас требуешь жестокости;

...*quam multi enim essent de uictoribus qui te crudelem esse uellent, cum etiam de uictis reperiantur!* (Cic. Lig. 15).

Как много людей из числа победителей хотели бы видеть тебя жестоким, коль скоро таковые находятся даже в числе побежденных!

Многочисленное употребление слов *crudelitas* и *crudelis* в контексте защиты Лигария напоминает Цезарю его собственные слова о том, что это — глубоко чуждое ему качество. Поэтому он не должен поддержать обвинение.

Итак, оценка причин и сущности гражданской войны, характеристика Помпея, характеристика обвинителя Туберона, описание характера Цезаря и его политической программы в речи «В защиту Лигария» построены исключительно на скрытых цитатах Цезаря. Отметим, что многие цитаты происходят из личной переписки Цицерона с Цезарем и поэтому были понятны только Цезарю и не были очевидны стороннему слушателю и нам, современным читателям.

Благодаря искусной комбинации цитат Цицерон подводит судью (т. е. Цезаря) к мысли, что решение оправдать Лигария — это результат его собственной (т. е. Цезаря) воли, отраженной в его высказываниях, а также естественное проявление его характера. В действительности, возможно, это было не так, но главное, что Цицерон выполнил свою задачу — его виртуозная речь пришлась по вкусу и понравилась Цезарю. Важно, что при этом Цицерон не отступил от собственной политической позиции. В этом и проявилось подлинное мастерство настоящего оратора. Цицерон, уходя с политической арены, еще раз напомнил, что в красноречии он остается непревзойденным.

Примечания

¹ Подробный анализ речи Цицерона «В защиту Лигария» и комментарий к ней дан в нашей книге, вышедшей в 2017 г. [1]. Там же приведена литература, посвященная этой речи [1; 285—295].

² В настоящей статье текст речи «В защиту Кв. Лигария» приводится по изданию Альфреда Клоца 1933 г. [5].

³ Переводы с латинского языка в настоящей статье выполнены нами, кроме специально обозначенных.

⁴ Перевод этих писем выполнен нами в указанной выше книге [1; 279—283].

Список литературы

1. *Антонец, Е. В.* DIVINA IRONIA. Речь Цицерона в защиту Лигария: опыт интерпретации / Е. В. Антонец, А. И. Солопов. — Москва : Р. Валент, 2017. — 320 с. : ил.

2. *Антонец, Е. В.* Речь Цицерона Pro Ligario: композиция и стиль как инструмент защиты / Е. В. Антонец // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2015. — № 19. — С. 3—17.

3. *Гаспаров, М. Л.* Цицерон и античная риторика / М. Л. Гаспаров // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Ладомир, 1994. — С. 26.

4. *Guttman, C.* De earum quae vocantur Caesarianae orationum Tullianarum genere dicendi. Dissertatio inauguralis philologica / C. Guttman. — Gryphiswaldiae, 1883. — 79 p.

5. *M. Tulli Ciceronis Scripta quae manserunt omnia* — Fasc. 27. Orationes Pro M. Marcello, Pro Q. Ligario, Pro rege Deiotaro / Recognovit A. Klotz. — Editio altera. — Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, 1933. — 119 p.